

# ДМИТРИЙ ВАДИМОВИЧ ДОЖДЕВ

---

Доктор юридических наук, профессор,  
декан факультета права МВШСЭН,  
заведующий кафедрой теории  
и истории частного  
права ИЦЧП им. С.С. Алексеева



NOMICA CHRONICA

БОЛЬШОЕ ИНТЕРВЬЮ К ЮБИЛЕЮ

## БОЛЬШОЕ ИНТЕРВЬЮ К ЮБИЛЕЮ ДМИТРИЯ ВАДИМОВИЧА ДОЖДЕВА —

доктора юридических наук, профессора,  
декана факультета права МВШСЭН, заве-  
дующего кафедрой теории и истории част-  
ного права ИЦЧП им. С.С. Алексеева



Беседовал главный  
редактор журнала  
**Константин Киктенко**

— Вы говорили, что Вы самоучка в мире права, в этом отношении дало ли Вам что-то научное руководство Е.А. Скрипилёва? В.С. Нерсисянца?

— Скрипилёв был научным руководителем по диссертации и именно в качестве того, кто знает римское право. Он защищался по римскому праву, у него была диссертация «Военное право Древнего Рима», при этом в 40е-то года. И удивительное дело, он в целом, ну для тех времен, был в курсе. Читал Годэме; в общем не упускал эту проблематику из поля своего зрения, хотя в целом он в это время в основном занимался российской историей: Учредительное собрание, реформа, контрреформа, вот эти вещи и юристы, отдельные общественно-политические деятели. Это такой образец профессора, человека, который так себя позиционировал – старик-профессор, а я таких в МГУ уже понавидался, то есть там достаточно было людей, чтобы меня таким образом удивить. Был профессор Дмитриев, который в университете преподавал мне историю России, он ходил в тубетейке, заботился о термо-режиме головы, и он говорил: «Вот я теперь постарел, а раньше мог по 8 часов лекций в день читать». Этот человек помнил абсолютно всё, при чем я так понимаю, было ему под 80, не меньше. Он, услышав имя, тут же рассказывал биографию исторического персонажа в подробностях. Казалось, это человек из 19 века. Правда, понятно, что хотя он родился до гражданской войны, но университетского дореволюционного образования он уже не мог получить, то есть не очень понятно, откуда такие возникают имиджевые

возможности. А Скрипилёв ещё позже родился, в этом смысле, я не знаю, какая у этих профессоров могла быть модель, какая там советская кинокартина или подлинный персонаж им эту роль завещал, но они абсолютно искренне, адекватно, даже я бы сказал и честно эту роль отрабатывали. А люди молодые, только пришедшие в науку, видимо, от них этого ожидали, с ними эту роль старой профессуры, этот образ ассоциировали. **Как сказал один мой старший товарищ: «Студенты были очень разочарованы, когда узнали, что я не участвовал в Великой отечественной войне».** А иначе что это за авторитет-то? Но как такие хронологические аберрации возможны? Никто же сегодня не помыслит встретить наяву профессора старой школы. Ясно, что столько физически не прожить.

То есть я легко верю в то, что был профессор Преображенский, да я легко могу поверить, что такое возможно было ещё в 50-е годы, но совершенно не верю в 80-е, когда уже совершенно ясно, что живых людей из той России (как и ветеранов войны сегодня) встретить уже было никак нельзя. И никакие отсылки к прежним временам, никакие тубетейки уже не смогут поддержать иллюзию. Ну а так были легенды, Юшков вот историк права знаменитый, он носил косоворотку, у него дома стоял жбан с квашенной капустой и висел льняной рушник. Он, закусывая водку прямо из жбана, выпивал стопку, вытирал лицо и руки вот этим полотенцем и садился дальше писать свои бессмертные труды. Другие были легенды – филолог-классик Соболевский, автор учебника древнегреческого языка, ходил в шинели с пелеринкой, у него была ни много ни мало 12-ти комнатная квартира, в которой 10 комнат занимала библиотека – дореволюционная, понятно, какая же ещё. И его естественно как-то пришли уплотнять, а он показал письмо Ленина! То есть у него якобы на руках была вот эта вот заветная бумага, мечта профессора Преображенского. И так он, по легенде, и пережил темные времена, а библиотеку подарил Академии наук. И надо сказать, я сам видел книги из этой библиотеки в ИНИОН, в Институте научной информации по общественным наукам РАН, и книга мне оттуда как-то попадалась неразрезанная, а то как долго эта библиотека лежала в коридорах, полуподвалах, пока её не описали (а она огромная), это в общем понятно, но почему-то надо было обязательно в сострадательном ключе это всё обсуждать, что вот теперь она лежит никому не нужная. Нет, нужная, но книг было так много, что даже самому

профессору Соболевскому, часть из них оказалась не ко двору, просто вот неразрезанную книгу я очень хорошо помню из его библиотеки.

Так вот, для нас эта модель старого профессора, не от мира сего, была вполне привычна, ученого, который служит науке, и мы могли даже воочию увидеть носителей этой модели, то есть были, были люди с потрясающе правильной речью – они говорили, как сегодня, кажется, уже только Е.А. Суханов говорит, ни одного слова-паразита, безупречные согласования и очень большой словарный запас и кругозор соответствующий, – и эта модель была заразительна и достаточно широко воспроизводилась. И конечно, просто повариться в такой среде уже дорогого стоит, а если в содержательном плане – то сама возможность с такими людьми обсуждать научные темы не оставляла сомнений в выборе жизненного пути.

Но что было их главным заветом – так это то, что любая тема требует от ученого внимания и концентрации, совершенно недопустимо верхоглядство, походя там что-то поверхностное сказать или отшутиться, нет, ко всем темам и ко всем собеседникам предельно серьезное и ответственное отношение. **Нам сегодня больше хочется быть такими вот изящными остряками и уходить от дискуссий, а они такими не были.** Это были очень, я бы сказал, скучные, но совершенно покоряющие люди, то есть вот это отношение оно тебя подчиняет, и ты понимаешь, что, если ты не готов в этом участвовать, ты лучше дальше беги по своим более важным делам. Любое обсуждение с такими людьми требует концентрации, внимания и полной отдачи. И что интересно, эти люди в состоянии были слышать новое, для меня вот это самая главная загадка сегодня, потому что я уже по себе могу об этом судить. Во-первых, люди старшего поколения, которые сейчас меня окружают или недавно окружали, они не готовы слушать совершенно. А во-вторых, я так сегодня чувствую, что я и сам не очень-то готов, всё меньше готов слушать. А те люди были готовы слушать, это просто удивительное чудо. Разумеется, по молодости ты воспринимаешь это как их долг перед тобой, это конечно, их обязанность, раз я такой умный, а ты ещё жив, то уж, конечно, выслушай и будь добр мою идею обсуди. Так вот, они реально слушали и обсуждали.

Я никогда не забуду свои беседы с Францем Виакером (Franz Wieacker) в Гёттингене (он со мной по-итальянски разговаривал – его немецкий даже его коллеги понимали с трудом).

Мы познакомились в Перудже и как-то он так запомнил, что я к Италии имею отношение. Удивительно, конечно, что вообще не забыл, да? А тут в Гёттингене он ходит на работу, поразительно, вот институт Отто Ленеля, институт Фритца Прингсхейма, и там Виакер, кабинет у него. А на столе гравировка, табличка – «Рудольф фон Иеринг». Иеринг в 1892 году умер, и в 1992, когда я там работал, отмечали столетие со дня его смерти, вспоминали нашего С.А. Муромцева, его друга, князя Голицина, того, который шампанское в Крыму производил. Документы всплывали разные, мемуары, что вот на какой-то юбилей князь Голицын поставлял шампанское Иерингу. Вообще я так понимаю, они его ценили и любили, а он был такой открытый и понятно, что русский человек тогда это не то, что сегодня. Всё было понятно, это люди, которые и богаче, и родовитей, и главное с ними разговаривать очень полезно, потому что за ними – огромная страна, которая их услышит и услышала, как мы знаем. Так вот, я, сидя за этим столом в пасхальные каникулы, много чего передумал, воображая себе не бог весть что, а потом антиквар – именно в связи с юбилеем – и дал заключение, что стол этот – в лучшем случае самый конец 19 века – начала 20-го, то есть если эта табличка и подлинная, то она происходит с какого-то другого стола, потому что тут ни фурнитура, ни шпон, ничего не соответствует тем временам – середине 19 века, когда Иеринг мог бы за этим столом работать. Но с другой стороны такое разочарование тоже приятно. Вот если бы не вызванный юбилеем антикварный интерес, не знал бы я этого и до сих пор бы думал, что сидел за столом самого Рудольфа фон Иеринга.

Итальянцы живут очень долго и тут прямо целый список у меня людей, которых я сумел застать, с кем я ещё поговорил, а с кем-то мы просто профессионально работали. **Джованни Пульезе (Giovanni Pugliese) как-то говорит: «Вы можете читать латинский текст, так давайте почитаем Lex Irnitana»,** получился кружок такой, там сколько нас было – **Кадилли (Riccardo Cardilli), Фьори (Giovanni Fiori) – вот мы сидели читали Lex Irnitana с таким знатоком.** У него первая монография – 1938 год, и это ответ Виншейду, «Иск и субъективное право», и он современник Гурвича соответственно, прямо в те же времена на ту же тему и писал. То есть то, чем у нас здесь занимались, этим занимались там. Это конечно приятно. Меня бы удивила встреча с Гурвичем, а в Италии – пожалуйста, можно было с ним работать, и через год я с ним работал и ещё через год тоже. Он

на вопросы отвечает, очень предупредительный, внимательный и очень старый, просто невероятно старый. Орестано (Riccardo Orestano), прежнего директора Института римского права в «Ла Сапьенца», я уже не застал, а скажем Де Мартино (Francesco De Martino) я видел в Неаполе на конференции в 1990 году, того самого де Мартино, который в конце 30-х и в 40-х оставался марксистом при Муссолини со всеми рисками, которые с этим были связаны.

**Иногда даже страшно становится, кого я только не видел, и кажется – кому это сейчас интересно. Но я вам скажу, что в этом кругу это всем интересно, когда люди знают, что ты действительно с ними встречался или во всяком случае знаешь их имена, а ещё, когда хорошо знаешь школы, кто у кого учился, потому что многие разногласия имеют личную подоплеку и восходят куда-то там в 19 век.** Эти традиции влияют на современность. Вот, я в 1998 г. работал в Мюнхене, это Институт Вольфганга Кункеля (Wolfgang Kunkel), где и сегодня все знают, с какими другими школами разговаривать можно, а с какими просто нельзя, и почему-то это на полном серьёзе воспринимается и даже как-то неприятно бывает – всё-таки коллеги – почему надо так неличеприятно друг о друге отзываться. В 20-е годы 20 века было принято в научных журналах совсем уж грубо выражаться, полемику вели как-то высокомерно, ну а 100 лет спустя... Особенно, когда спор сугубо академический, а в него привносится личное отношение – что производит впечатление недостатка аргументов. Это, конечно, ненадлежащий стиль научной полемики. Так вот, казалось, что всё это ушло уже куда-то, так нет же, старичок, которому 70, говорит про старичка, которому 65: «Эти молодые люди представления не имеют...», в таком вот стиле. Это конечно печально, потому что хотелось бы чего-то более содержательного. Хотя порой удивляешься, как могут люди с таким уровнем подготовки не понимать совсем уж простые вещи и допускать такие ошибки и еще на них настаивать. **Иногда полемика ведётся просто по традиции, и за ней не стоит никакого содержательного разногласия.**

Но бывало, что они друг перед другом (тогда Россия была в моде), чуть ли не соревновались между собой во внимании, которое готовы мне уделить. Так, во Флоренции я был дома у Бискарди (Arnaldo Biscardi), у Луиджи Ломбарди (Luigi Lombardi). Есть вещи, которые сейчас в голове не укладываются, я видел

инкунабулы настоящие в домашних библиотеках, они гордились тем, что могут мне это показать, хотя кто я такой, какой я уж там знаток и ценитель. И рассказы про личную жизнь, это всё совершенно не коробило и было так душевно. Были среди них там и поклонники Берлускони, скажем, они говорили, это человек, который знает, чего он хочет и умеет добиваться своего, а все его критики просто импотенты и на него наговаривают. Были другие, для которых – это сама вульгарность во власти, с гораздо более нам близким и понятным подходом, которые просто не принимали такое явление в политике, а это для них всех было нечто очень близкое, тогда всё это бурлило, если вспомнить, всё было так политизировано, всем всё было интересно. В самом ли деле премьер Андреотти так дружил с мафией или нет и всё такое. Как-то они умели привнести в эти дискуссии такую культурную ноту либо же привкус такой хорошей, фундированной политологии. Главная беда Италии была в отсутствии социалистической партии, формально она была, но силы у неё не было никакой, и вот это тоже очень интересно было наблюдать. Люди, которых мы в своё время, когда я её учился в Советском Союзе, считали марксистами и чуть ли не коммунистами, оказалось, что это были люди вполне правых взглядов. То есть я знаю итальянских левых, и это совсем другое. А марксисты перед ними оказывались просто консерваторами из консерваторов, не говоря уже о том, что были настоящие консерваторы, были аристократы, люди с баронскими титулами, тоже, пожалуйста, с особняками на Авентине, и их я застал. И даже кого-то в Россию привозил, конституционалиста Мациотти ди Челсо (Manlio Mazziotti di Celso), и он читал лекции здесь в МГУ. А затем профессор Г.В. Барабашев ездил в Римский университет с ответным визитом. Вот такие были спонтанные и, естественно, взаимообогащающие движения. У профессора Мациотти учебник конституционного права начинался с того, что вообще есть фундаментальных два подхода: советский, где акцент на социальных правах, и подход буржуазный, где акцент стоит на правах первого поколения. Просто конституционное право начинается с этого. То есть, был вполне равноправный диалог разных взглядов.

Да и сейчас они сохраняют известную широту подхода. Этой осенью в Риме в Институте УНИДРУА Микаэль Бонелл (Michael Ioahim Bonell) сказал мне немало теплых слов о России. **Я так понимаю, что чем люди солиднее, чем фундаментальнее их**

**подготовка, тем они менее склонны к каким-то резким суждениям. Они не просто терпимее, а с гораздо большим уважением относятся к мнению, отличному от собственного. В этом смысле диктат политкорректности в те времена среди таких людей бы просто не прошел.** При том, что с большим пониманием относились и к политкорректности тоже. Ну а почему нет? Ясно, что это не то, что должно как диктатура восприниматься, а именно как один из векторов, одно из направлений, одно из предложений, с которыми можно и считаться. Даже так. Конечно, до такой диктатуры большинства как сегодня (а лучше сказать, меньшинства), конечно, тогда не доходило и дойти не могло. Это про то, как Европа у нас геронтократична. Как там... всё время у власти старики, или там люди очень, очень отдаленных поколений. А даже если ввести требование, чтобы все в 65 лет уходило на пенсию, всё равно эти люди останутся. Если Вы сейчас поедете в Гамбург, то будете счастливы увидеть живого Хайна Кётца (Hein Kötz) и с ним поговорить, при том, что он уже лет 20 как на пенсии, и ничего, в институт ходит, и все знают, что есть вещи, которые только он знает.

**— Цимермана недавно на пенсию отправили.**

— Ну, а как не отправишь? Законно, да, вот он теперь ездит в институт на велосипеде как пенсионер. Всё равно влияние и присутствие этих людей совершенно не сравнится с весом их более молодых коллег. Пусть эта молодежь и находится при делах, и пусть они даже что-то из себя представляют в научном отношении, всё равно довольно естественно, что люди воспринимают пенсионеров как действующих сотрудников и именно с ними связывают имидж всего учреждения. В этом смысле можно только порадоваться за те страны, те научные сообщества, которые умеют эту преемственность и традиции уважать и продолжать. Хотя, должен сказать, что да, это не без труда дается, особенно когда ты видишь очень достойных людей, не ушедших в сторону, которые так и не отказываются и даже не ставят под сомнение взгляды пятидесятилетней давности. Это, конечно, грустно, потому что наука, конечно, развивается. И ретроградство – это не то, о чем я сейчас говорю. То, о чем я говорю, это, наоборот, присутствие старших поколений в диалоге, в повестке. Это, по-моему, неопределимо. **Это сопоставимо с той ролью, которую А.Л. Маковский здесь играл до послед-**



**них лет жизни. Его одного слова было достаточно, чтобы люди передумали многое.**

И – повторюсь – наоборот: обычно эти старики умеют слушать, и это восхищает. То есть ни перед кем так не хотелось высказаться, как перед такими людьми. Действительно было, о чем говорить с Виакером, а он слышал и реагировал, это конечно надолго тебя утверждает в своей собственной состоятельности. Это не решающий фактор, но такой есть. Ещё раз должен сказать, что тогда, в конце 80-х, начале 90-х, я, конечно, был избалован этим присутствием старших поколений в моей жизни, недостатка я в этом не испытывал. Самое интересное было, что они друг о друге знали и слышали и, несмотря на все железные занавесы, успели перезнакомиться. Да, люди друг друга знали или читали, потому что переводились наши работы на немецкий язык, как минимум в ГДР – это сразу для всех, или в Италии. Такое тоже было. Но были те, кого и на английский язык переводили (Европа не очень любит по-английски читать), тем не менее, всемирная известность получается, да, и у нас было два романиста – Е.М. Штаерман и В.И. Кузищин (не говоря уже о наших византинистах), которые такой всемирной известностью обладали, и там о них все знали, и ты оказывался уже из какой-то школы, а не просто сам по себе.

И мои коллеги старшего поколения по ИГП РАН были в непосредственном контакте с Европой: В.С. Нерсисянц и Л.С. Мамут регулярно ездили в Вену и преподавали в Венском университете и наоборот. Профессура Венского университета приезжала к нам в Москву. Я очень хорошо помню визит Вальтера Зельба (Walter Selb), Герберта Хаусманингера (Herbert Hausmanniger), да, и не один, а была встреча, когда их приехало сюда 4 человека и они сделали каждый по докладу по своей тематике. Я тогда был совсем молодой и не со всеми мог разговаривать профессионально. Но потом в Вене я многое договорил с ними. И не только в Вене. Конечно, очень приятно, когда венский профессор тебя берет за руку и представляет другим. Это дорогого стоит, так что старшему поколению я много чем обязан. Это часть моего опыта, очень светлая часть моей жизни. **Я не чувствую, что я уже вошел в ряды *seniores*. Наверное, формально это уже вот-вот произойдет, но я себя пока несколько иначе ощущаю.** Но их уровень ответственности, то чувство, которое им было в полной мере свойственно, видимо, пора уже примерять на себя.

Ещё надо рассказать о том, что это за люди были. То есть, если Скрипилёв – это просто была ходячая энциклопедия, то и Нерсисянц, как ни удивительно, тоже был энциклопедией, и очень содержательной. Не просто набор фактов.

**– А он во всем досконально разбирался? Первый Ваш учебник выходил под его редакцией. В римском праве тоже разбирался?**

– Нет, нет конечно. Но вот были темы, скажем, история правовых учений, где он просто превосходил любого. Он помнил близко к тексту Гегеля, он помнил близко тексту и других авторов, кого не он переводил. Вся его речь была насыщена постоянной интерпретацией, толкованиями классиков. «Что ты тут такое говоришь? Это же уже там-то было написано», – и он начинает рассказывать, и ты видишь, что твоя логика недалеко ушла от того, что было двести или две тысячи лет назад. Его отличало желание учить. Во-первых, в те годы было принято присутствовать в институте. И само это присутствие было заполнено не формальными вещами, а всё больше содержательным общением. А общение примерно такое. Или это реальный спор с дискуссией и бесконечный, без начала и без конца. **Или уже все разошлись, вечереет, он тебя поймаёт где-то в темном углу и говорит: «А вот что Вы думаете» или «Как Вы это видите?».** И поехал по теории нормы просто часами. И он заставлял читать литературу, и он заставлял сформулировать позицию. Ну какая у меня может быть позиция, если там на пяти книжках вся картина основывалась?

Да, надо сказать, Скрипилёв мне в первую же встречу выдал список литературы. Да, он узнал, что я читал. Просто взял на карандаш этот список, реально сидел и записывал. А я хорошо, надо сказать, ходил в библиотеку в последние годы студенчества и мне было, что сказать. И он мне дал ответный список: «А ты вот это пойд и прочитай». Я пошел и прочитал.

Я тогда плотно так сидел в Ленинке и в Горьковке. Я сидел в библиотеках и читал лет шесть по десять часов в день. Ну, хорошо, пусть пять лет. Пусть не всегда по десять часов в день. Но я просто жил этим. И уже выписывал сюда книги из-за границы, десятки книг. Они до сих пор сейчас в копиях в Ленинке есть. Потом мне удалось съездить в Петербург, там пожить. В 1986 году, надо сказать, там уже рок-клуб

был, всё там было. И я в БАНе (Библиотеке Академии Наук) с тем же, кстати, Бэром, который сидит на кладбище в Тарту, прямо вот один-в-один, такой же памятник, близко познакомился. Там были журналы, которых в Москве не было – европейская периодика по римскому праву. И наоборот, конечно же, что-то было только в Москве. Но в общем, я там это добрал. И это мне дало ощущение исчерпания того, что в стране было. По библиотечному абонементу можно было из других городов выписывать, но только если в Москве этой книги не было. Если в Москве она лежала в какой-то далекой библиотеке, отдаленной, на Левобережной или в Библиотеке иностранной литературы, надо было туда идти и там читать, не лениться. А выписать из-за границы можно было только, если не было нигде. Так что я систематически прочитал то, что вообще в стране было. И поэтому я попал в Италию, когда здесь, в общем-то, я уже исчерпал свои библиотечные возможности. Ну и конечно вопрос в периодике ещё. Ясно, что ты не можешь прочитать 100 томов *Zeitschrift (der Savigny Stiftung)* сплошняком подряд, этого никто и не делает, конечно. С этим просто живут. То есть оказаться в библиотеке, где это всё есть, а там уже ты в любой момент можешь начать читать, сопоставлять и так далее. Вот мне до 1990 г. такого не доводилось. Если у нас в Ленинке три журнала стоят, то у них 30 журналов – всё, что есть.

В Амстердаме слабая библиотека, в Лондоне совсем плохая, так что в Будапеште лучше, чем в Лондоне. Но мне повезло работать в лучших библиотеках. Рим, Мюнхен и Париж – это самые полные, самые богатые библиотеки. Библиотека Гёттингена – это библиотека Виакера, она очень полная, очень богатая. Есть в Мюнстере библиотека Макса Казера (Max Kaser), где он, собственно, кружок свой вел, и многие его ученики – последний там Циммерман – определяют лицо всей нашей дисциплины в последние десятилетия. Мюнстер – это где сейчас Нильс Янсен (Nils Jansen), так что это по-прежнему крупный центр в этом смысле. Ну а если ничего особенно выдающегося не ждать, то в любом университетском городе библиотека по историко-правовой тематике будет в 10 раз богаче любой нашей самой богатой библиотеки. Вот так это выглядит. И за последние 30 лет это, конечно, невозможно было восполнить, да никто и не смог бы вывезти все библиотеки.

Ну спасибо, сегодня пришли электронные возможности. И сейчас очень много чего у каждого с собой в кармане. В этом

смысле, конечно, жизнь стала намного легче. Не говоря уже просто про сеть, в которой опять же очень многое появилось. Что ещё здесь у нас было хорошо? У нас был 19 век прекрасный. То есть в Горьковке просто стояла стеллажами, стеллажами литература 19 века (профессора дарили свои библиотеки), пандектистика, конечно, вся, периодика вся, то есть просто вот сиди себе и изучай. **Если ты не хочешь знать право как действующее право, а хочешь знать историю, то вот всё для этого у нас, пожалуйста, и сейчас есть.** Это то, чего у них порой и нет, а здесь у нас есть, не проблема. Но уже в 20-30-е годы – очень большие зияния, а потом – почти совсем ничего. Потом просто редкие книги, отдельные книги. И вот, как я уже говорил, несколько периодических изданий, они всё-таки есть.

– **Вы говорили, что лет 10 назад ещё не чувствовали себя уверенными в праве, как юрист. Видимо сказался исторический бэкграунд. Вы определённое количество книг прочитали, или какие-то книги, после прочтения которых Вы почувствовали полную уверенность?**

– Был у меня такой список лет 20 назад, преподаешь студентам и говоришь: это книги настольные. Там Покровский обязательно, ещё что-то. Вы знаете... список практически не меняется. Однако дело в том, что книжки эти очень сильно устарели. Этот список либо уже всем абсолютно известен, и им овладевают, слава богу, ещё в студенчестве; сегодня на третьем курсе в МГУ список такой любим уже выполнен. Что касается дальнейшего развития, то мой тот список давно устарел. Нового списка у меня сейчас нет, он в работе. У нас в Московской школе есть программа бакалавриата по истории права, которая надеюсь всё-таки переживет свои трудности роста, вот она под себя требует вот этот вот список для чтения. То есть, собственно, программа образования начинается с reading list, здесь никуда не денешься, это обязательное. И вот он сейчас формируется заново на определенном уровне под определенные задачи. Я думаю, что через год-другой я смогу как-то этим поделиться.

Но тут, правда, надо искать золотую середину. Если речь идет о каких-то обобщениях, то их достоверность очень сомнительна, достоверность невысока. К сожалению, на сегодняшний день я вижу, что работы обобщающего характера – это всё-таки очень авторские работы, несмотря на задачи, которые они пред

собой ставят. То есть, конечно, в целом авторы очень ответственные. Тем не менее каждая конкретная история европейского права, история европейской правовой мысли, это очень субъективная штука. Объективного получается и нет, или это чисто энциклопедические сведения. То есть вот дальше они формируются под каждого автора, под каждый запрос самостоятельно. И они формируются уже по-другому. И мы узнаем, что у каждого деликтного права есть своё имя. Евангелие по Матфею, Евангелие по Иоанну, – они вроде про одно и то же, но они будут разные. **И в этом смысле, да, лучше знать несколько субъективных позиций по узкой теме, чем знать одну такую позицию по всему спектру. Ещё раз: объективной позиции нет, её просто не существует. Так я это теперь понимаю.**

### – А как же объективность нормы?

– Да это же всё про развитие речь, про историю. Почему в Германии утвердилось учение об абстрактном вещном договоре? Вообще закономерности тут никакой нет. Можно сказать, что это случайность. Есть несколько историй, которые это развитие и появление этого института рассказывают. Они, кстати, тоже разные, под разный взгляд. А на самом деле лучшие из этих историй говорят, что там так и не утвердилось учение об абстрактном вещном договоре. Это довольно просто. Можно сказать, что абстракция в переносе права неизбежна. А можно показать, что нет, это слабости роста, и это случайность открытия, и принцип разъединения в абстракции не нуждается. В этом смысле гораздо легче, скажем, рассказывать про консенсуализм французский, который, несомненно, перспективен. А сколько в нем слабостей и недостатков, это уже отдельный разговор.

И каждый раз мы получаем приглашение к поиску закономерностей, причин явлений. И каждая из этих историй – это будет история представлений о структуре частного права вообще и о его задачах. Ясно, что каждая такая история очень сильно зависит от уровня подготовки наблюдателей, от их сегодняшних интересов и от тех задач, которые они вообще перед собой ставят. В этом смысле, конечно, хорошо, что есть такие обобщения, как *Historisch-kritischer Kommentar zum BGB* Циммермановский, где прекрасные специалисты, мои сверстники все это и написали, большое им за это спасибо, но опять же видно, насколько это

иногда не объективно. Или – наоборот, как только это пишется с претензией на объективность, это скучно. Это скучно и недостаточно. Многие аспекты вообще не взяты во внимание. И ты, в общем-то, видишь сегодня слабости этих авторов. Я с большинством знаком. И почему-то вот никак не могу я это увидеть как истину в последней инстанции. Не получается у меня.

В этом смысле гораздо лучше специальные работы, которые по некоторым темам вполне складываются в очень убедительную, обучающую литературу, которая, наверное, и должна составить костяк такого списка. Пусть это будут специальные исследования экстра-класса, нежели это будут обобщающие работы. Ожидать, что выпускник программы будет знать всё или иметь представление о многом не приходится. А методам научиться на лучших образцах может любой. И лучше, наверное, делать это так. Опять же, можно увидеть, как и сегодня наша повестка, наше внимание структурируется теми или иными модными темами, которые на самом деле в своё время и в свою очередь – лишь отголоски чьего-то академического успеха в понимании той или иной очень серьезной проблемы. Вот такой серьезный успех, прорывной, он потом структурирует внимание всего сообщества, куда-то направляет, и все будут долго ещё повторять про представительство и его аспекты, потому что была работа, в которой, наконец, многие вопросы были решены, или про зачет, потому как, слава богу, кому-то удалось в этом наконец профессионально разобраться.

**– Если обучиться может любой, проникнувшись этим всем культурным и образовательным пластом, то почему Вы так к ГК КНР плохо относитесь? Говорите, что «это писал второклассник левой ногой». Они же вроде как пытаются приводить своё право соотносимо с рыночной экономикой. Одна из первых экономик планеты, уже всем это очевидно, и ясное дело, что у них там право не социалистическое, на социализме вот эти вот магнаты миллиардеры и компании огромные не вырастают.**

– Всё правда, но социалистического там хватает; достаточно посмотреть на их совсем неразвитую систему вещных прав, и нам это понятно, что так получается из-за отсутствия частной собственности на землю вообще. Что такое вот этот «семейный подряд» у них? В общем, забавно как-то выходит и надо

немножко снисходительно на это даже как-то смотреть, ну просто Незнайка на Луне. Другой мир совсем, причем удивительно закрытый, герметичный, очень уж искаженный в этом смысле.

А на вопрос о том, что можно научиться и что бывает просто коряво написано, я скажу, что в общем получается, что научиться не так просто. Здесь я с вами сразу соглашусь. То есть, собственно говоря, их второклассник оказался очень далек от уровня современных задач. Имитировать новейшие течения и тренды они могут, но слабость основ компенсировать на этом пути нельзя. Вот мы сейчас несколько встреч с ними провели. Есть у них люди, которые (кстати, прекрасно по-русски говорят) хорошо видят недостатки этого Кодекса. Более того, была же литература достаточно обширная, у них там дискуссии шли. И они известны, так или иначе, они отражение получили на европейских языках. Их руководящие постановления высших судов Гарвард систематически публиковал. И было известно, что до этого кодекса у них работало непонятно что из социалистического наследия плюс 150 разъяснений пленума – 150 вопросов, прям как у Юстиниана *quingenta quaestiones*. Почему? Потому что вся текстовая основа у них – это 50-е годы под влиянием СССР, и они это влияние и не отрицают, все прекрасно всё знают, более того они могут показать, что это российское влияние само наведено нашим же 19 веком. В конечном счете это всё равно та же самая пандектистика, просто вот в этом своеобразном изводе. Что дальше? Понятно, что системности при таком подходе не будет никогда, именно потому, что половина у наших друзей парализована социализмом, ничего сделать нельзя, просто половина тела парализована. Они все будут ходить на одной ноге, и одной рукой есть.

Дальше встает вопрос образования. С образованием можно снять существующие проблемы, но тогда нужно забыть о традиции. Но они не хотят, у них в 1911 году тоже была попытка создать гражданский кодекс. Она им так дорога, как нам наш 1913 год. Они от неё так просто отказаться не могут, и когда сейчас новая кодификация вступила в силу, они её прямо туда возводят и говорят, что наконец столетний путь прошли с успехом. Мы про себя не очень-то так говорим, наш путь это 30 лет, а у них путь – 130 лет. Вот так, не думайте. Коммунизм не помешал получается, он прямо туда вписался. Но в действительности же он помешал страшно, он у них всякую перспективу убил, потому что, во-первых, людям негде учиться, во-вторых, они даже

не знают, чему учиться. Нет представления, нет перспективы.

Китаец всегда врет иностранцу, он не может потерять лицо. В этом смысле говорить с ними всерьёз вообще невозможно ни о чём. Это постоянно бегающие глаза, ну не знаю, можно ли это публиковать, но они всегда не договаривают очень многое. А когда они видят свои недостатки, лучшие из них могут их обсуждать, что конечно подвиг для китайцев. Но то, что у них недостаток подготовки фундаментальный, просто системный, это совершенно бесспорно. Они об очень многом не знают даже, что такое существует, что это можно узнать. **То есть я прекрасно себе представляю нашего юриста 50-летней давности. Вот это был бы нынешний китайский юрист. Наш юрист 60-х годов. Да, он при определенном усердии и кругозоре очень много знал, но он очень многого не знал совсем.** Китай сейчас находится на уровне 1960-х, он может быть в курсе новейших разработок 21 века, но может совершенно не знать фундаментальных вещей. Ну и посмотрите, как всё это сказалось на Кодексе. Про опеку написали больше, чем про куплю-продажу. И так далее.

Не говоря уже о том, что как мне кажется, они всё ещё находятся в поиске авторитета. То есть они его ещё для себя не определили. Сегодня они поняли, что это римское право. Они поняли, что надо идти по континентальному пути. Ну здесь же Япония, Корея. То есть как бы уже намечено. Плюс с севера Россия, которая такая же. У common law, я думаю, нет в этом смысле перспектив в Китае. Выбор правильный. Но дальше оказывается, что мало просто иметь усердие. Нужно ещё иметь традицию. Традиции у них нет. Это ещё на несколько поколений, как я понимаю, и можно оценить то, в каком преимущественном положении находимся мы. Потому что у нас действительно это отрицание России длилось не так долго, и видимо было не так губительно, опустошительно, а главное, мы очень многое сделали вот за эти 30 лет. При том, что при советской власти мы не изучали юриспруденцию, но видимо мы изучали другое, так что потом, в нужный момент мы смогли сконцентрироваться и на юриспруденции.

То, что здесь прогресс за последние 25 лет просто невероятный, никто отрицать не будет. Ну, совершенно другие люди возникли ровно за одно поколение. То, как сегодня студенты разговаривают, и то, как они 25 лет назад разговаривали, большая разница. Просто небо и земля. Так что здесь уже у нас



такой порог допуска в профессию минимальный выработался. Плюс это сегодняшняя гиперинформированность, сегодняшняя блогосфера, где всё обсуждается. И там тоже, кстати, люди последовательно учились разговаривать и слушать. И научились. Правда здесь есть и свои побочные факторы, связанные с ростом аудитории, с экстенсивным развитием. **В этом смысле обидно, когда в юридической блогосфере общие установки и подходы оказываются примитивными, как в рекламе. Всё ясно и понятно. Сложные вопросы блогеры не любят.** Тем не менее, сам спектр этих вопросов завораживающий, совсем не то, что было 20 лет назад. И ясно, что на этом просвещение масс не остановится. Более того, я думаю, что и в Китае есть своя блогосфера, где тоже примерно такой же очень широкий охват и очень продвинутые представления, которым, конечно, до реальных общественных отношений ещё очень далеко.

— **Вы сказали, что китайцы выбрали правильный путь – римский. И Вы также во всех выступлениях и рукописях всегда отстаиваете следование традиции. Но говорите и о другом, что римское общество было совершенно другое, и такого общества уже нет и не будет, скорее всего. То есть огромная вовлеченность гражданина в общественную жизнь, сильное самоуправление, строжайшая ответственность и всего этого сейчас нет. Сейчас, в целом, народ скорее не субъект истории, а объект. Его ведет какая-то немногочисленная группа людей, а он всему и рад. И ввиду этого, как будут работать эти классические образцы, если же нет тех нравов, политической структуры и так далее. Люди совершенно другие.**

— Это самый важный вопрос, наверное, в нашей беседе. На него ответ, поэтому, короткий и печальный. **Невозможно развитие частного права без конституционного, без публичного, без того, чтобы оно стало подлинным правом. Это не просто система ограничений власти, это её организация, её выстраивание в качестве публичной власти, государственной власти. Без этого никакого частного права просто не выйдет.** Мы сегодня сводим вопрос о праве к вопросу технической, профессиональной оснащенности и подготовке, к осведомленности судьи, к тому, чтобы развить в себе чувство справедливости в техническом смысле, чтобы понять, что это

профессиональная задача, которая имеет своё научное решение, а не фантазия или интуиция. Но для того, чтобы это понимание права и справедливости воплотить в жизнь, для того чтобы это реализовать, этого всего недостаточно, без надлежащего выстраивания всего общества, всей общественной структуры, это обречено. То есть никакого развития и функционирования право частное без публичного получить не может и не сможет. Задача, которая перед нашим обществом стоит, и раз уж ясно, что общество такое, что оно в переходной фазе, то и перед нашей публичной властью эта задача стоит. Наш единственный путь – это демократия, наш единственный путь к зрелому обществу – это развитие общественных институтов, и не только частноправовых, но и публично правовых. И, в общем, здесь их взаимосвязь – скажем, право собственности как один из центральных примеров, – очевидна. Не может быть полноценного частного права без полноценного права публичного.

**– Но почти все, кто сегодня занимается публичным правом, оправдывают любое действие власти, они как флюгер. Куда власть, туда и они. В этом отношении нет ли потребности цивилистов начать догматическую разработку публичного права? Не думали ли Вы посвятить часть своих трудов этой сфере?**

– Это всё так, несомненно. **То есть задача стоит давно, В.С. Нерсисянц её всерьёз ставил, что у нас просто публичная сфера как право даже не описана.** Л.С. Мамут говорил, что её и нельзя так описать, потому что там всегда будет господство и подчинение, тогда как право – это отношения равенства и обмена. Вот ясно, что такая задача – задача понимания государства и публичной власти как правового явления – стоит и перед цивилистами тоже, она перед всей нашей юридической наукой стоит, но она стоит не только перед учеными и мыслителями, она стоит и перед практикой, потому как в отсутствие действительного взаимодействия по этой линии, очень трудно что-либо здесь философствовать, обобщать и куда-то двигаться. То есть независимость суда – это конституционная задача, это задача защиты демократического строя. И понимание того, что это такое и что это значит для всех нас и для нашего будущего. Свобода слова здесь же, свобода информации – это всё вещи, без которых невозможно экономическое и социальное

развитие. И правовое, несомненно, тоже. Оно здесь не может быть лучше, чем развитие общества в целом. Да, тем, кто это видит сейчас лучше других, несомненно, им придется этим всем заниматься. Что касается общей склонности приветствовать решения власти, то здесь как раз мне кажется, это не большая помеха тому, чтобы такие вещи развивать. То есть, ясно, что критическое отношение, или даже поддержка, но критическая, обдуманная поддержка – это очень хорошо. Бездумная и необоснованная, механическая поддержка недорогого стоит, это понятно. Это уже и не поддержка никакая. Вопрос же не в этом, вопрос в том, что мы просто не занимаемся структурными вопросами, а надо заниматься именно ими. Это дело, которое самым непосредственным образом связано с перспективами развития нашего общества, нашей страны.

**– Вы говорите, что субъективная вина, предвидимые убытки и вот эта вся социал-демократия – это каноническое право. Вы, как истинный римлянин, противник канонического права? Почему оно, несмотря на то что у церкви было намного больше влияния после падения Рима, не смогло утвердиться как главенствующее? Почему оно не вытеснило римское право?**

– Дело конечно в масштабе прежде всего: объем римского права в 100 раз больше, чем канонического. По текстам, по институтам, по всему. То есть, канонического довольно мало. Это просто очень узкий сектор. В основном это церковные правила, семейно-брачные. Ну, в основном. Что касается, собственно, частного права, то вот здесь получается, что посессорную защиту там разработали, как ни странно. То есть, только в XVI веке произошло соединение этого знания с романистическим. И только где-то в XVII веке мы получаем нормальное учение о владении с опорой на тексты римского права, но в каноническом, между прочим, ключе. Римскую идеологию владения, иную, гораздо более зрелую, и более совершенную романисты открыли лишь в 60-е и 70-е годы XX века. Это подавление насилия как принцип публичной и частной жизни, которое стоит за защитой владения. Но этого мало. Удалось ещё найти отличную от модельного права собственности форму присвоения вещей, которая тоже пользовалась общественным авторитетом. Институт владения взаимодействовал с институтом общена-

родного достояния, определяя возможности его использования, и индивидуализации, присвоения. Этими вопросами в римском праве ученые стали заниматься лишь в 70-е, 80-е даже годы.

Какие ещё сферы воздействия? У церкви очень большой авторитет, и она нас многими вещами заразила. То, что ответственность строится от греха, это же на века установка. Совсем недавно от этого ушли. Совсем недавно, ещё даже до конца не ушли. В этом смысле заражены оказались вот этими привнесенными представлениями очень многие классические институты. И в общем искажены, конечно. То есть я бы никогда не сказал, что в праве стоит задача ограничить перспективу взыскания, если возмещение убытков известно именно как принцип полного возмещения. Полное значит полное, там же всё понятно. Поставить кредитора в то положение, в котором он бы и оказался при условии полного и своевременного исполнения. Всё уже понятно. Какие ещё тут могут быть ограничения по предвидимости? Идея предвидимости привносит непонятный и неоправданный субъективный момент. **Этот критерий осведомленности, которая якобы все прощает, а на самом деле ничего не прощает.** Это кто же виноват, что ты не знал или не предвидел? Вина – и есть такое положение, когда тот, кто должен был предвидеть, не предвидел или не предусмотрел. И если в договорное обязательство заложены эти ожидания, так они и должны быть реализованы, иначе обязательство как правовой институт не справилось со своей задачей. В «программу» обязательства, пожалуйста, но само это программирование, это же и есть его настройка, формирование его содержания, – модными словами не закроешь суть, суть очень очевидна, возмещение должно быть полным.

Здесь возникает вопрос, почему такие послабления (ограничения)? А потому что на самом деле **право гораздо гуманнее, чем кажется. То есть оно не настолько механистично, оно не настолько математично, как хотелось бы мне и Нерсесянцу.** Оно оказывается гораздо живее, и оно куда снисходительнее, в этом смысле социал-демократичнее, чем нормальная либеральная программа. В этом смысле наследие канонического права обогащает наши представления. Суть его мы ещё не до конца понимаем, потому что принцип там другой. Суть там в том, что людям легче найти и принять формальное равенство, привнеся в него содержательный момент. Мне не

всегда на это хочется идти, и не сразу очевидно, что это по-другому нельзя сделать. Здесь ослабление, отступление от принципа права, но это на самом деле есть способ добиться действительно возможного для этого самого принципа. Это единственный способ его существования, иначе он просто отвергается как чрезмерно жесткий, чрезмерно формальный, совершенно не чувствительный к индивидуальным особенностям, и мы получаем действительно строгое право, от которого все бегут. Это нежелательно. Вот как античность, да? Как античность не знает духовности и вообще идеи души, при том что анимус, пожалуйста, есть. Точно так же и в праве влияние Средних веков и канонические начала обогащают нашу культуру, наш традиционный взгляд. В этом смысле это очень приятный такой для меня, для формалиста очень приятный фактор, сдерживающий и стимулирующий более широкий взгляд на вещи. В этом смысле я скажу вам даже что-нибудь хорошее про каноническое право.

**— Вы не отрицаете идеи классовой борьбы, как историк, и Вы материалист, как Вы сами утверждаете, не отрицаете решающей роли средств производства.**

— Я реалист, нет, я, конечно, реалист.

**— Но при этом Вы полностью отрицаете марксистский подход в праве.**

— Да, да, да.

**— И это прямо клеймо.**

— Верно. Я бы сказал, что я идеалист в платоновском смысле — то есть, реалист. В этом смысле идея права реальна, она экзистенциальна, она обладает реальностью, очень даже реальным существованием. Что касается материализма, здесь для права это думаю дважды неприменимо. Право занимается своими делами, но дело даже не в этой автономии, которую ещё Братусь в советские времена обосновывал, а дело в том, что это просто другая сфера. Право, наоборот, пытается дематериализовать все эти отношения, пытается уйти от сферы фактического, снять зависимость от фактического. Потому что

фактическое есть единичное и неповторимое, а право работает на равенстве и надо сравнивать, приравнивать и наводить мосты и связи между единичным, снимая это самое единичное, иначе ты не сможешь, собственно, правовой принцип провести. Здесь всё очень даже понятно. Дальше именно вот эта формальная природа права и его нормативная природа, она, конечно же, противостоит идее Маркса во всех её проявлениях. То есть пытаться выстроить детерминированность общественной жизни, всё равно, откуда ты начнешь, всё равно, из какого источника. Но это как раз означает вступить в прямое противоречие с самой идеей права. А когда точкой отсчета выступает сфера производства, тут уже просто говорить не о чем. То есть производство здесь хорошо только тем, что оно не совсем материалистично, оно включает в себя общественный момент, очень сильный. И давайте это изучать, тогда мы будем просто изучать разные сферы общественного. Здесь можно увидеть что-то более подвижное, что-то менее подвижное, что-то более приземленное. Если так хочется говорить, может быть, выстроится опять такая иерархия отношений, иерархия структур, пожалуйста, только это всё равно не отменит автономию права. Эта сфера не хочет на самом деле зависеть от других сфер. Она может ими управлять, а вот зависеть никак не может. Право не может зависеть от экономики, финансов, культуры, морали. **По одной простой причине, что содержательное праву чуждо, содержание там в самой форме. Это вот такое формальное содержание, свобода называется, это его предмет.** Привнесение туда всего остального просто затемняет картину. Это, кстати, не помогает никак ни экономике, ни финансам, ни морали – ничему вот этому. Просто эти сферы склонны паразитировать на определенности права, но свое специальное содержание такое обращение к праву им уточнить отнюдь не помогает. Соответственно, лучше уж изучайте саму экономику. Когда это политэкономия, то туда привносятся отношения больших групп людей, их возможности определять судьбу средств производства.

Соответственно, лучше уж изучайте экономику сами. Когда это политэкономия, то туда вносится отношение больших групп людей, их возможности определять судьбу средств производства. Несомненно, эти аспекты политические, властные, прежде всего, будут с экономикой очень хорошо взаимодействовать. Почему? Потому что они содержательны, они примерно из одного и того же ряда. Правовые совсем другие, они хотят

уйти от власти, стать независимыми, уйти от экономики, не зависеть от этой самой экономики. Какой принцип здесь главный? Главный принцип здесь тот, который имеет более высокую степень абстракции и тем самым наиболее всеобщий. Это право. Так что в этом смысле право может диктовать. Политики, экономисты, они не могут праву диктовать. Просто в принципе не могут. Вот такая у нас объективность.

А дальше посмотрим – насколько учение о классовой борьбе и прочий Карл Маркс помогли нам что-то понять в праве. Да вот вообще ничем не помогли. То есть только замутили надолго воду, я уж не говорю про политику. И то же с экономикой. И наоборот, хочется ещё узнать, как полезны экономические знания юристу. Да, конечно, полезны. Говорить даже не о чем. Очень полезны и психологические знания юристу. И демографические знания очень юристу полезны. Всё это очень важно. **Но если у права есть свой предмет, то мы им и должны заниматься. И идеи канонические и социал-демократические на самом деле противоречат принципам права, его, права, определению.** И если каноническая снисходительность или усиление индивидуального фактора, собственно, неповторимого персонального фактора – это одно, то с социал-демократическим подходом здесь получается усиление обобщающего, абстрактного элемента, ведь речь идет о больших группах людей. **Получается такая идея, как слабая сторона договора – это чистая социал-демократия, это привнесение в нашу сферу чуждого ей по природе, в праве такого нет и не может быть. Право, если справилось с этой задачей, то слабая сторона перестала быть слабой. Она слабая до права. После того как это правом урегулированное или опосредованное правом отношение, то никаких слабых сторон здесь больше нет.** Мне же предлагают политику права, которое бы как affirmative action применительно к социальным неравенствам или там ещё каким-то, тоже работало бы на превышение, на сверхкомпенсацию прежней дискриминации. Давайте брать на работу только негров. Ну вот это совершенно неправовой подход. Просто неправовой подход. То есть мы, получается, на один перекося поставим другой. Вообще перекося-то был не в праве, а в доправовом состоянии. А теперь мы в праве устроим принудительное исправление, сверхкомпенсационное. Ну зачем же нам это делать? Это не решение.

И ещё последнее. Совершенно очевидно, что праву это

не помогает. Это привносит в него новые конфликты, которые не способствуют решению собственных проблем права. А как это скажется на решении социал-демократических задач, я не знаю. Скорее всего, если неадекватный метод, то и решение получится неадекватным. Здесь можно по-другому отвечать. Можно просто сказать, что раз есть такая иерархия принципов в обществе, и удалось обществу увидеть, построить, схватить его и продвигать принцип формального равенства, то надо радоваться такому подарку судьбы, очень может быть, что это закономерность, и постараться точно определить его место в общественной жизни. Тогда мы сразу поймем, что это тот принцип, который по остаточному принципу, а может быть просто как минимальное из возможных руководств, может управлять всем остальным. Это будет не лучшее общество, но это будет очень хорошее общество. Вот хотя бы так. И наоборот. Очень хотелось бы учесть все индивидуальные особенности и движения души. И даже ещё добавить туда идею снисходительности и прочее. Ну а если мы ошибемся – а принципа там нашего уже нет, он утрачен, он подменен другим. И наоборот, на самой доправовой фазе, это, к сожалению, никак не скажется к лучшему. Она останется источником конфликтов и беспокойств, а мы потеряем такой прекрасный инструмент, как право.

**– Был вебинар, беседа онлайн по вещным правам, и Вы там замечательно сказали, что залог – исключительно вещное право, и считать иначе уже 150 лет нельзя. А если считаешь иначе, то «сдавай партбилет». Но так ли нужно разграничивать уже в современном праве вещные и обязательственные права, если по сути-то дела граница между ними стирается. И если мы посмотрим даже на наших дорогих любимых немцев, Фуллер написал замечательную книгу «Самодостаточность вещного права?». И вот на 600 страницах он объясняет, что нет. Что эти отличия исключительно юридико-технические. Сущностных различий по сути-то дела нет. И вот в свете неудавшейся у нас реформы вещного права на будущее, как Вы видите вот это вот различие, оно является ли ключевым или нет, и что нужно учесть в свете новых попыток реформирования?**

– Это очень сложный вопрос. У Вас он из нескольких вопросов



сложился. Вопросов здесь несколько. Залог был для затравки, как я понимаю. А суть Вашего вопроса в том, стоит ли настаивать на этой дихотомии. Боюсь, что я здесь не волен выбирать. Я это вижу как объективную данность, как системную задачу, которая, правда, может быть описана и в других категориях. Но зачем, если есть хорошие категории, которые все описывают. И у меня получается, что попытка свести вещное право к подвиду обязательственного или какой-то технической специфике каких-то отдельных явлений, это порочная попытка. **Да, сегодня немцы учат в университете, что позиция ответчика по виндикации обязательно-правовая. Только почувствовать можно коллегам.**

### – Свернули с правильного пути.

Это упрощение, несомненно упрощение, которое упускает из виду важнейшие аспекты абсолютного права, вещного права как абсолютного. Да, можно попробовать всё представить как относительное, поставить квалификацию материального права в зависимость от позиции лица в процессе. Там она неизбежно относительная. И попытаться подчинить процессуальным показателям материальные характеристики – но это слабость, которая ведет к утрате содержания. Полагать, что ответчик по виндикации должен просто устраниваться и не мешать истцу, этого мало. То есть сказать, что у истца право есть, а у ответчика нет – уже точнее, чем то, что предлагается на языке обязательства, на языке действий, которые, призывая «не вмешиваться, устраниваться», якобы, – описывают нормативные ожидания истца, выражают структурное положение ответчика по виндикации перед лицом управомоченного собственника. В действительности от ответчика по виндикации требуется гораздо больше. От него требуется ещё выступить именно в качестве третьего лица. То есть, наоборот, снять с себя ещё и обязательно-правовые характеристики, вот что от него требуется. Иными словами, наделение ответчика по виндикации ещё и чертами должника, пусть даже в пассивном, негативном обязательстве, искажает картину, лишая истца-собственника важнейших элементов права собственности, которое этим иском защищается. **Суть в том, что абсолютное право всех ставит в позицию слуги. И этот слуга гораздо более содержательный, чем должник.** Он здесь своим негативным, пассивным положением определя-

ет содержание права собственности. В общем-то, как минимум, он должен не просто отойти в сторону, а сделать так, чтобы истец получил не меньше, чем он бы получил, если бы оставался во владении. **Вот сравните эти две позиции. У Эдуарда Пикера (Eduard Picker) отойти в сторону, а у меня, римского юриста, это вот «нет, ещё ты должен».** Эти замечательные слова из ст. 303 ГК «должен был получить», которые просто означают нормативное измерение того, что ответчик должен был получить, они, конечно же, никакого обоснования обязательственного отношения между сторонами в себе не содержат. Но вот здесь они получают даже другой оттенок смысла. Наш ответчик по виндикации всё-таки должен. Причем должен, он на абсолютном праве. Он должен как третье лицо, а не как должник, не как второе. Эти все аспекты улетают, если мы просто редуцируем наше отношение к относительному, к обязательственной связи ответчик – истец.

Дальше – абсолютно то же самое по всем прочим позициям. Право собственности само по себе в параметрах своей защиты выходит за рамки «просто верни владение». Проблемы приобретения права собственности, распоряжения правом собственности, управление этим правом – они далеко выходят за рамки тех личных отношений, которые мы видим, если попытаемся это всё редуцировать к простому обязательству. **На языке обязательства описать всё содержательное богатство вещного права не получается. Права на чужие вещи гораздо богаче сопоставимых обязательственных отношений. Римском праве это просто прекрасно проявляется.** У нас содержание интереса арендатора описывается как «uti frui», прямо как у узуфруктуария. У узуфруктуария вещное право есть, а у арендатора вещного права нет. При этом арендатор имеет право на плоды, а узуфруктуарий не имеет права на плоды, у него – право собирать плоды (хотя и на вещном праве, в то время как арендатор, и без всякого вещного права, обладает по какому-то юридическому чуду именно правом на плоды). И вот хотя кажется, что они похожи до степени неразличимости, они совершенно разные. У одного действительно личные отношения и ноль правового отношения к вещи, вообще никакой непосредственной связи, собственной юридической связи с вещью у арендатора нет. В то время как у узуфруктуария есть, и она только такая, вещная, а никакого обязательства там как раз нет. То есть он здесь субъект собственного права,

перед которым нет никакого должника, а есть собственник, который, конечно, не просто не мешает, но на этом собственнике лежит специальная вещно-правовая обязанность. Вот так это выглядит. Увидеть своё право и своё объективное требование к третьему лицу, которое консолидируется в некое самостоятельное благо, в отличие от требования к должнику, требует некоторого усилия, но, по-моему, это благодарное усилие, которое наполняет содержанием эту, казалось бы, мертвую догматическую категорию вещного права.

И в заключение про залог: могу порадовать тем, что французы сегодня провели залоговое право на обязательство именно в качестве абсолютного. Они говорят, вот у нас в чистом виде вещное право на обязательства. Оно работает против всех несмотря на то, что это залоговое право на относительное правоотношение. Тем не менее дальше оно себя проявляет так, как должно проявлять себя вещное право. Сегодня это хрестоматийное положение, которое просто обязательно должно включаться в курс вещного права в любой стране.

**– На ваш взгляд, такая гибридизация – это к лучшему или к худшему?**

– Нет, это, наоборот, порядок наводит. Никогда не запутаешься. То есть залог – вещное право. А залог на обязательственное – вещное? Да, вещное. И вот, пожалуйста, у французов это даже в Кодексе написано (стт. 2355 – 2366 ФГК). То есть не написано, что вещное, написано, как оно работает. Именно по Фуллеру написано, что из этого вытекает, практические следствия какие, они прописаны. Они такие, которые только вещное право может иметь.

**– Мы очень давно ждем вашу книгу по фидуциарному обязательству. Всё никак её широкая публика не увидит. Предваряя книгу, спрошу – возможно ли вообще фидуциарные отношения между коммерсантами в свете 2 статьи Гражданского кодекса?**

– Но так в этом же вся прелесть. Фидуциарные это не значит, что мы выходим за рамки права, что мы опять же привносим то содержание, которого там быть не может. Нет, это особый вид регулирования, это особый вид опосредования

той же самой абстрактной формы, бессодержательной формы, задача которой именно формально приравнять. Задача вот такая – уравнивать. Здесь просто уравнение получается другим, уравнение в фидуциарных отношениях несколько сложнее. На самом деле оно проще, но содержательно получается, что оно сложнее. Оно проще почему? Оно проще потому, что более грубая, более объемная форма завышает ожидания и действительно кажется, что здесь привносится содержательный момент. По Регельсбергеру фидуциарность там, где исполнитель получает больше полномочий, чем ему нужно по функции. Тем самым его ответственность за адекватность применения вот этого чрезмерного инструмента, которым он вооружен, возрастает. И она идет по какому-то другому, уже гамбургскому счету, где он здесь должен сдерживать себя в рамках, различать своё и чужое, интересы свои не смешивать с чужими, не обращать себе на пользу эти возможности и так далее. Это всё может произвести впечатление привнесения в отношении содержания праву не свойственного, которое вступит в противоречие с положениями 2 статьи ГК.

В действительности же всё намного проще. То есть да, действительно, потому и получается фидуциарность, что инструмент недостаточно адекватный, то есть он не такой точный и тонкий, как того требовала бы сама функция отношения. Но неточность его другая. **На самом деле меняется не просто набор полномочий, а меняется ещё и статус нашего управомоченного лица, его сознательно редуцируют. И тем самым его ответственность во многом не просто презюмируется, а она предвосхищается. Его ответственность предвосхищается в принижении личного статуса. Кстати, это и даёт абсолютный эффект. И отсюда кажется, что у бенефициария есть вещное право, например.** Такие вот вещи начинаются, как *disgorgement of profits* – отнимают полученные доходы по отрицательной схеме, лишь бы тебе ничего не досталось. То есть, всё, что перепало, пожалуйста, сюда. А потому, что это просто выражение на языке арифметики вот этого самого принципа – ты не можешь обогащаться за счет нарушения. Вот именно ты не можешь. Вот к тебе не прилипнет. То есть, получается, мы тебе карман зашили, туда не попадает. То есть, ты это кладешь, а он обратно в общую копилку. Вот это такой паралич возможностей, причем паралич формально юридический. Мы просто меняем статус.

Это очень грубо, это очень жестко. Это нарушает принципы формального равенства, между прочим. Но только потому, что в данном случае пошли на такое нарушение, потому что задача здесь поставлена чрезмерно жестко. Мы хотим какую-то неформальную цель провести, а кончается это действительно не лучшим образом. Я считаю, что это слабость, это очевидная слабость правовой формы. Исторически фидуциарность появляется там, где нормальный инструмент не работает, где он устарел, где он не адекватен, где он функционально не заточен. И там пытаются его неадекватность вот таким образом подкорректировать, но коррекция идет за счет того, что приносится в жертву полнота участия в праве нашего ответственного лица. Его просто заранее купируют на уровне правосубъектности, урезают ему какие-то статусные возможности. Вот что выходит. Вот это такой достаточно грубый инструмент, который со стороны выглядит как доверие, а на самом деле понятно, что доверие это выход как раз за пределы права и равенства. То есть это как раз унижение. Можно так, да, можно, но это слабость. Это слабость регулирования. Надо избегать этих вещей, конечно, надо от них уходить.

**— То есть фидуциарность не извиняющая, а наоборот унижающая?**

— Она унижающая, конечно. Заранее тебе говорят, ты не должен, но при этом право делает так, что ты и не можешь. Ты, значит, английский шпион, живешь в России, спиваешься, но пишешь книжку, а потом на тебя наезжает Корона и говорит, давай-ка все доходы этой книжки нам. Одна несправедливость другой несправедливостью. Почему? Потому что по содержанию совершенно неадекватную вещь они решили урегулировать. Человек уже предал Родину. А тут Родина приходит и говорит, ясно, что предал, а мы с тебя доходы возьмем. Уже сверхнарушение равенства, а здесь оно компенсируется другим. Но что получается? К тебе прилипнуть не может. Они тебя лишают на правосубъектном уровне способности нажать на этом правонарушении, которое для них правонарушение, а для всех остальных это его собственная деятельность. Почему? И доход-то у него не из предательства, а из того, что он книжку написал. Совершенно очевидно. То, что книжку написал, мы уже не видим. Мы видим только предательство.

Это неспособность принимать ещё все факты во внимание, это и есть редукция. Вот за счет редукции мы достигаем обнуления доходов. А почему? Потому что мы тебе в своё время доверили. Ты же нам служил, отказался от себя, это и есть отказаться от себя, доверие.

**— Вы неоднократно в своих лекциях говорили, что одна из ключевых причин упадка Западной Римской империи в том, что нравы упали, начали гражданство абы кому выдавать, например, дело Бальда, и так далее. Но вот крах, но право-то вслед за экономикой почему-то не упало, оно как-то сохранилось, продолжило развитие в пост-классику. Или это не развитие?**

— Нет, оно упало ужасно, причем в один день, Вы знаете, просто грустное зрелище. Приходит Константин к власти в 306 г., и качество императорской канцелярии, текстов, которые она производит, катастрофически меняется. Это плохая латынь и это плохое содержание. Сегодня принято говорить, что это особая фаза развития, но там явная деградация, там нет развития. Политкорректность в 80-е годы заразила и романистику. Такие слова, как вульгарное право, стали не ком-иль-фо. Сама идея постклассического права тоже. Это всё равно как «негр» сказать. Оно, не постклассическое, то есть – недостаточно классическое, оно, напротив, самодостаточное, самоценное. Но это, ещё раз повторю, явный упадок. Любимый мой пример – это библиотека Лондонского университета, где табличка висит «Еду и напитки не приносить». Любому человеку покажется, что не нужна такая табличка, потому что это самоочевидно. Наличие таблички отражает проблему, которой раньше, когда основывали университет, явно не было.

**— Такое в немецких университетах возможно: на паре сидеть и пиво пить.**

— Это уже совсем полная беда. Так вот, кому адресована такая надпись? Тому, кому это неочевидно. И вот здесь, примерно, та же история. Вроде бы право становится доступнее более широким кругам. Да, наверное, так. Наверное так. То есть это такая плата за больший охват, за массовость. Трудно в это не поверить, глядя на то, что было в 19 веке,

тогда как в 20-м, по мере распространения тех или иных культурных благ на более широкий круг населения, мы каждый раз платили за масштаб, но не надо забывать о том, куда мы идём.

Кстати, у поздних римлян получилось юстиниановское возрождение, ренессанс. Они восстановили очень многое из утраченного, просто реально многое. Спасибо им, а не то мы бы и не знали всей этой красоты, которая за 300 лет, за 500 лет до этого возникла и процветала. Тем не менее, конечно, настоящий расцвет восстановлению не подлежит. Дальше мы видим ещё большее падение. На уровне юстиниановского свода они тоже удержаться не смогли, упадок идет дальше. Именно в это время, что нам особенно обидно, византийские источники переводили на славянские языки. Нам досталось не лучшее наследство. А дальше они сами стали учить латынь, открыли школу в Константинополе. И в IX веке наступает уже расцвет Византии и византийского права. И они создают Василики, это 60 томов, с которыми живут до нынешнего греческого кодекса, до 1964 года. В этом смысле на тысячу лет ещё хватило. Василики – это очень сильно. Они составлены теми, кто составил *corpus juris*. Им запретили комментировать, они тут же написали комментарии, но главное они ещё рассказали, что они видели в этих текстах. То есть иногда они воспроизводят то, что в сам текст *corpus juris* не попало, просто вычеркнули. А тут это есть. Мы иногда знаем более полный вариант классических текстов благодаря их работе. Дальнейшее развитие определяется уровнем задач, поскольку всё-таки мыслить научились рационально. Рационально – это по Аристотелю, так что от римлян тоже не так уж далеко ушли. Уже в XIV веке люди были в состоянии так самим себе рационально объяснить римские прорывные конструкции, так что это уже не забылось никогда. А дальше я опять вижу редукцию и упрощение в XVII веке, в XVIII-XIX вв., всё большее упрощение. **Многое из классического богатства, несомненно, было пандектистикой утрачено. Это тем более очевидно, что многое сейчас возвращается (что приятно наблюдать). Скажем, постдоговорные обязательства – одно из величайших римских достижений эпохи расцвета классики. Это же Юлиан.** И сейчас это опять пришло и широко распространяется. Многие уже понимают, что это гораздо лучше, чем просто отсылка к нормам о неосновательном обогащении. Возвращение полученного по расторгнутому договору должно регулироваться тем же догово-

ром. Это совсем другая определенность качества поведения, качества исполнения. Тогда как отсылка к неосновательному обогащению – это отказ от регулирования; просто калькулятор включаем, больше ничего не хотим учитывать. А по договору мы лучше защищаем и кредитора и должника, реализуем интересы обеих сторон.

**– Как Вы и говорили, что даже если я что-то купил, то ты мне постоянно продолжаешь обеспечивать спокойное владение. То есть договор между нами не исчезает. И ты подтвердишь, что это ты мне продал, если будет спор.**

– Именно так. Купля-продажа – это длящиеся отношения. И в отношении качества товара тоже. Собственно, это обязательство, связывающее стороны, и есть правовая форма качества товара.

– Всё же, хотя мы очень многое вспоминаем сегодня из классического наследия, вернуть всё его богатство невозможно. И дело здесь не в допущении в право более широкого круга лиц, а в смене установки. Римское право, да, было правом для аристократов, но открыто оно было для всех. Там понимали его, допустим, не все, но действовало-то оно для всех, оно управляло всем обществом. И всех приглашало стать аристократами: жить честно, не вредить другому, воздавать каждому своё. Аристократическая установка классического права, она, конечно, гораздо привлекательнее, чем современная буржуазная установка. Или уже постбуржуазная установка, постхристианская, к тому же, помноженная на политкорректность. Вот этот римский призыв, давайте все мы будем добрыми мужчинами, он непреходящий. В праве вообще-то он заложен, конечно же. Никто не мешает на право смотреть с этической позиции. Но мы увидим в нем добро. Доброе начало, несомненно. А никакого другого, отличного от добра начала не увидим, между прочим.

**– Каждому воздается его право, а не у каждого равные права?**

– Это тоже хорошо, да? Эта мне мысль в голову не приходила, но Вы правы, да. Это из той же серии, совершенно вер-



но. Это именно так. Главное, вот эта мобилизация качества, в обязательстве это очень хорошо видно, но это и в семейных отношениях, и много где ещё. В вещном праве этого вроде бы точно нет, но даже там я это вижу при желании – фиксацию качества поведения, независимость от фактических обстоятельств, которые дают определенность ожиданий, реализацию интересов, содержательность права. В обязательстве это очень лучше всего видно. Единичное формализуется и тем самым включается в правоотношение, становится его элементом – и так неопределенность оборачивается определенностью и комфортом уверенности в будущем.

Статья первая вводит общий минимум, входной билет для участия в обороте – на самом деле не сказано что минимум, сказано давайте все будем вести себя добросовестно, и всегда, во всех фазах, на любой фазе ты будешь вести себя добросовестно, это прекрасно. Вот, что имеется в виду? Да вот это имеется в виду, вот это определение права через качество формальной личности. Формальная личность с качеством – это здорово. Это прямое римское наследие. И можно показать насколько это определение необходимо, без неё право просто не работает. То есть просто взять и сказать, давайте все будем математически равными, не получится. Первый же казус, первая же шероховатость приведет к тому, что ты споткнешься. Отсюда задача – формализовать значимую специфику, включить её в отношение как содержание. И наоборот, попытка это всё выхолостить, свести только к цифрам, к чистому количеству – она губительна на самом деле. В итоге возникает социал-демократическая или экономическая, или этическая реакция на такое упрощение, а она уже явно искажает принцип равенства.

**– У нас образование идет семимильными шагами. То, что в 50-е годы знала профессура, сейчас уже спокойно понимают, читают третьекурсники. Но если посмотреть, то уже школьники, изучающие право, довольно-таки много чего знают про ВАС РФ и про концепции юридические, с такой вот ранней скамьи. Отсюда вопрос, а у нас нет ли инфляции юридического образования в том плане, что чему дальше-то учить? Не теряется ли от этого вместе с масштабированием права его сакральность, которая всегда давал праву какой-то пиетет?**

— Ну этого я не боюсь, вы-первых, слава богу, что азы теперь усваиваются на ранней стадии подготовки. Многие фигуры, мне кажется, излишества, которые появились в ходе становления современного гражданского права, обязаны трудностям усвоения. И очень многие классические основы до сих пор не прижились. Если для усвоения простых вещей требуется полжизни, то, когда же ты будешь думать о сложном? Если это научились объяснять и усваивать на самых ранних стадиях, то прекрасно, вся жизнь впереди, и можно заниматься действительно сложными вещами. Так что меня это совершенно не смущает, ведь, скажем, учение о вещном договоре не требует 30-летней полемики с сомнительным исходом. Это именно элементарные вещи, которые проще всего рассказать на первом курсе и больше к этому не возвращаться. Невозможно получить вещное право без акта, который направлен на изменение, установление, прекращение вещного права. Есть вещно-правовой акт. И ясно, что он волевой, это сделка. А, двусторонние сделки мы называем договором. Получаем вещный договор. Да его и может не быть. Просто по такой логике по-другому то и не бывает. А то, что у нас его в кодексе нет, мы так думаем. На самом деле он, конечно, там есть. Он и у французов есть. Он у всех есть. Без него нельзя, потому что иначе не будет вещно-правовых следствий. Если они есть, признаются правом порядком, то обязательно будут и акты, которые ведут к этим следствиям. Это очень просто. Если же для кого-то это такая трудность, понятно же, что такой юрист уже не только себе мешает. Он же мешает всем остальным наконец договориться и заняться сложными вещами. Сложных вещей там предостаточно, просто предостаточно. В этом смысле меня раннее познание, о котором Вы говорите, совершенно не смущает.

**И наоборот, вот эта вот сакральность... это не плюс. Я не думаю, что усвоение сложных вещей стало легче, научились объяснять или научились слышать, или в всяком случае структурно это лучше стало настраиваться, хотя по нашему кодексу не скажешь.** Да, то есть мы в кодексе так и не написали много очевидных вещей. Учения о сделке в нем есть, а учения о вещной сделке нет. Так не может быть. А договор как источник обязательства опять есть, и завещание тоже есть. Ну, нехорошо, когда такие упущения в системе. То, что стало легче понимать да, но это не значит, что под угрозой находится романтика познания гражданского права, его прелесть никаким образом

такая доступность не отменяет, даже очень хорошо, когда сегодня можно попасть в Лувр одним нажатием кнопки. Его красота от этого не умаляется.

**— Во многих вузах нет римского права. Или же есть какие-то смешные часы. И по сути люди входят в общую часть гражданского права, второй-третий курс, без хорошей базы римского права, со знаниями ИГПЗС. Периодику они знают, а вот чтобы были такие живые тексты, как Вы преподаёте их, на чем построен Ваш учебник, такого практически нигде нет. И вот получается, что у нас не совсем классические юристы выходят? И опять же традиции нет, и что с этим делать предметникам, кто гражданское право ведет, они же говорят на разных языках.**

— Это правда. Здесь дело вот в чем, по-моему. Гражданское право дошло до такой степени детализации, что это во многом компенсирует отсутствие римского. Это те же самые проблемы, они вечные, они постоянные. Сегодня лежала книжка К.И. Скловского на столе, экзамен был, студенты принесли, говорят, вот вам в библиотеку шестое издание. Алёна Кучер сделала, спасибо. Открываем наугад. На левой страничке один классический пример, на правой страничке другой классический пример. И они настолько хрестоматийны, что если человек узнал эти примеры даже не из курса римского права, не из курса гражданского, а из вот из книги Скловского, то это тем более означает, что никуда ты от них не денешься. В этом смысле, да, если большой курс римского права не получается, курс, где были бы тексты, то можно его вообще не делать. А почему тогда желательно всё же обращение к римским текстам? Оно желательно потому, что хрестоматийные вещи всё же родились в системе, и это была система римского права, и стоит задача усвоить именно её. В ней же есть большие блоки понятий, которые либо утрачены, либо не так последовательно работают сегодня, как тогда. В этом смысле, конечно, зачем выдумывать то, что было? А сегодня лучшие знатоки уже очень хорошо знают, как было. Получается, что лучше тиражировать одного знатока, чем пытаться подражать с потерей качества, да ещё и при небольшом количестве часов. Это правда. То есть в этом смысле, да, надо написать большой, полный видеокурс и вот как-то его продвигать, потому что я заметил, что пару лет

назад учебник я не мог купить, оказывается.

**— Сейчас он есть, но цена запредельная.**

— А почему? Потому что его печатают по сто экземпляров в год. А издательство не печатает, поэтому что его никто не может купить, такой замкнутый круг. Правда есть электронный учебник. Он есть в системе Знаниум, то есть издательство это сделало. И в общем-то для всех студентов это бесплатно на самом деле. А это лучше, это действительно оцифрованный учебник, не просто pdf, понимаете. То есть на самом деле проблема немного надумана. Другое дело, что оказывается, что я сегодня не могу в библиотеку заглянуть, сидя дома. **Я записан в Ленинку. Я загружаюсь туда. Мне говорят, что по авторскому праву не позволяют мне книжку читать. Я должен выйти из дома, пойти в районную библиотеку и там её читать. Да что ж это за авторское право такое, которое не дает мне читать?** Не говоря же о том, что вообще я как автор с этого давно ничего не получаю. Надеюсь, что в ближайшее время это всё рассосется, потому что тупиковость нынешней ситуации совершенно очевидна. Значит как-то это будет разрешено, но, наверное, у нас как всегда не так быстро, как хотелось бы, но тут уж никуда не денешься. То есть выход найдется. Я как-то иначе начну студентов снабжать текстами. Потому что, действительно, получается бессмыслица.

**— И практикum к этому учебнику, его ещё тяжелее найти, но у меня он есть.**

— Текст состоит из одних вопросительных предложений. Новый жанр изобрел. Пример такого издания, кстати, был Хаусманингера, у него такие пособия были по вещному праву, по обязательному и по Lex Aquilia. Но всё равно они в сумме меньше по объему, чем этот мой, это правда. Но думаю, что эту методологическую работу гораздо лучше выполняют научные публикации историко-правового или компаративного или даже догматического характера. Ведь в действительности эти темы должны обсуждаться очень специально и профессионально. Тогда в учебном пособии этого не сделаешь. Вот такой мостик, оттуда сюда. Но это и есть вся история нашей науки за последние 500 лет. Ничем больше она не занимается.

И конечно, есть зоны в современном праве, которые римским правом не покрываются в этом плане.

**– Конечно, авторское, например.**

– Не может оно предложить здесь казуистику вот эту. Не может самое интересное дать. Это совершенно не значит, что оно устарело, или мы от него ушли, или ещё что-то. Наоборот. Это значит, что мы так хорошо встали на этот фундамент, что теперь можно развивать и то, чего там не было. Вот это на самом деле очень хорошо.

**– Посоветуйте новых романистов, кого читать, если не Дмитрия Дождева? Есть два патриарха – Леонид Львович Кофанов и Вы. И вот после Вас есть ли римская традиция на нашей почве российской?**

– Она не умирает никогда, на самом деле, но сегодня такой небольшой перерыв получился. Ну что, А.М. Ширвиндт стал сотрудником Института сравнительного права в Гамбурге, сейчас его Лозанна зовет, и А.А. Новицкая – штатный преподаватель в Вене. Да, и он ещё сейчас ведет курс римского права в Берлинском университете. То есть он и исследовательской работой занимается этой. Его книгу по фикции я видел на столе у Г.А. Гаджиева, в здании Сената, где у него кабинет. Это, конечно, очень приятно, это греет. Я надеюсь, слово и «синаллагма» пробил себе дорогу. Эта волна интереса к римскому праву дала нам ряд достижений. Я надеюсь, что и следующая волна не за горами, потому что мы открыли здесь специализацию, бакалавриат у нас.

**– Европейская традиция частного права.**

– Да, частного права, как раз по истории, где студенты учат латынь и европейские языки, чтобы читать литературу самостоятельно. Я надеюсь, что это не бесплодное начинание, так что мы получим своё. Будет ли новое возрождение не знаю, но уже пора, потому что с прошлой волны прошло 20 лет, так что можно уже заняться подготовкой нового поколения, будем живы, что-нибудь на этой ниве мы получим. У меня защищался А.В. Марей, он у меня не учился в этом смысле,

а вот сейчас вырос в очень серьезного специалиста. Он чуть ли не почетный гражданин Мадрида. Он там нашел средневековую рукопись, которую они сами не нашли. Дальше есть Елена Витальевна Сильвестрова, которая даже защищалась не у меня. Она считает, что я на неё очень сильно повлиял. Это византист наш крупнейший. Ну и есть те, кто у меня защищался, но они римским правом не занимаются, вот кто-то со мной здесь работает, кто-то в РШЧП работает, но по римскому праву, действительно, нужно собирать людей. Это очень хороший вопрос. Вы упомянули Л.Л. Кофанова, у него Д.Ю. Полдников учился. Я был официальным оппонентом по его докторской. Сейчас Центр изучения римского права раскрутился по всей стране, каждые два года коллеги из Саратовской юридической академии организуют конференцию, которая затем продолжается онлайн на [iusromanum.ru](http://iusromanum.ru). В прошлом году у нас был Владивосток. Там с китайцами, кстати, удалось поговорить.

**— Видел на последнем заседании, один их представитель перевел статью из Советской юстиции.**

— Да! Это, конечно, здорово. Это наш коллега Сью Годун. Он в Риме римское право изучал, я его много лет знаю. Правда, у него что-то не видно учеников. Но то, что римское право оказалось кратчайшей дорогой к правовому развитию и для России 19 века, и для Китая 21-го, это нас несомненно объединяет. Да и современная обстановка актуализирует изучение общих римских корней. Так что думаю, в этом направлении сотрудничество ещё продолжится.

**— Спасибо за беседу.**